

МЕДНЫЙ ОБЛИК ПЕТЕРБУРГА

Aleksey Nik

Хранители империи

Aleksey Nik

Медный облик Петербурга

«Автор»

2026

Nik A.

Медный облик Петербурга / А. Nik — «Автор»,
2026 — (Хранители империи)

Санкт-Петербург, 1893 год. Над Зимним дворцом плывут медные аэростаты, по Невскому катят паровые кареты — кажется, вера в чудеса уступила разуму и прогрессу. Но однажды ночью на глазах троих свидетелей невиский лёд у Троицкого моста раскрывается, точно дверь, и поглощает хранителя Кунсткамеры — а затем смыкается снова, не оставив ни трещины. Следователь Пётр Вершинин находит вместо убийства тайну тридцатилетней давности: похищенного идола, отца погибшего, исчезнувшего в тайге, и тайное Братство Медного Круга, чьи нити тянутся в кабинеты империи. Помочь ему может лишь этнографка Аглая Стрешнева — единственная, кто знает язык древних обрядов и умеет говорить с силой старше Петербурга. Погоня по снежным лесам, допросы в особняках и суд в зале Сената — цена ошибки здесь не отставка, а жизнь. Роман на стыке альтернативной истории, стимпанка и мистического детектива — о том, что бывает, когда прогресс встречается с силой, которую нельзя подчинить.

© Nik A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Колокол под невским льдом	5
Глава первая. Кабинет хранителя древностей	7
Глава вторая. Что рассказала Аглая Романовна	9
Глава третья. Швейцар и незванный гость	12
Глава четвёртая. Профессор Ланевский	15
Глава пятая. Фабрика на Обводном канале	18
Глава шестая. Дом в Коломне	21
Глава седьмая. Имя	24
Глава восьмая. Тень у подъезда	27
Глава девятая. Кружным путём	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Aleksey Nik

Медный облик Петербурга

Пролог. Колокол под невским льдом

Пётр Аркадьевич Вершинин не любил зиму — не за холод, а за то, что в морозном воздухе звуки становятся слишком отчётливыми. Каждый скрип полоза по снегу, каждый вздох парового клапана в подворотне, каждый удар колокола на Исаакиевском соборе долетал до слуха обнажённым, без той спасительной ваты, что дарит городу летняя духота. Зимой Петербург говорил с ним слишком честно. А честность — Вершинин знал это по своей двадцатилетней службе в Особой следственной канцелярии Его Императорского Величества — редко бывает доброй вестью.

В ночь на пятое января года одна тысяча восемьсот девяносто третьего от Рождества Христова, в год, когда над Зимним дворцом плыли медные аэростаты воздушной стражи, а по Невскому проспекту, лязгая шатунами, катили паровые кареты, украшенные орлами и вензелями, — в эту ночь под лёд Невы у Троицкого моста ушёл человек.

Его звали Модест Аполлонович Северцев, действительный статский советник, хранитель Кунсткамерного собрания редкостей, специалист по языческим древностям северных губерний. Ещё вчера он читал лекцию в Академии наук о ритуальных календарях вожан и води — народов, чья вера в незапамятные времена смешалась с верой словен и чуди, оставив после себя лишь курганы, черепки да редкие, тщательно оберегаемые от учёных глаз идола.

Сегодня его нашли подо льдом — а точнее, не нашли: под лёд он ушёл на глазах троих свидетелей, ушёл не потому, что провалился, а потому, что лёд под ним раскрылся, точно кто-то невидимой рукой откинул крышку смотрового люка. И тут же сомкнулся снова — ровно, без трещины, без пузыря, будто и не было никогда полыни.

Вершинин стоял у перил моста, кутаясь в шинель, и смотрел на чёрное зеркало льда, освещённое газовым фонарём и голубоватым сиянием единственного на весь мост электрического светильника — новшества, которое городская управа испытывала здесь третий месяц кряду, всё не решаясь тратить на остальные мосты. Рядом сопел, притопывая, околоточный надзиратель Прохоров — молодой, но уже располневший от казённых обедов, — и жался к жаровне студент-репортёр, которого Вершинин про себя обозвал вороном: слишком уж быстро мальчишка слетелся на запах происшествия.

— Ваше высокоблагородие, — сказал Прохоров, стараясь придать голосу твёрдости, — свидетели в один голос твердят: лёд разошёлся, как дверь. Я, признаться, не верю ни одному слову, только глаза-то у всех троих одинаково безумные.

— Опроси их порознь ещё раз, — велел Вершинин. — И вели заступить наряд у обоих берегов, чтобы никто не совался под мост до утра.

— Дозвольте спросить, — влез вдруг репортёр, — правда ли, что покойный держал в кабинете идола о трёх лицах?

Вершинин повернулся к юноше так резко, что тот попятился и едва не оступился в сугроб.

— Откуда вам это известно?

— Слухи, ваше высокоблагородие. В университетских кругах болтают: Северцев на прошлой неделе получил из вологодской экспедиции ящик с находками, никому их не показывал, а профессору Ланевскому будто бы сказал, что нашёл вещь, «которая перевернёт представление о вере северных народов».

Вершинин ничего не ответил. Он смотрел на лёд, где — теперь уже показалось ему, а может, и не показалось — под мутной толщей что-то мерцало, точно там, в глубине, тлел уголёк, медленный и терпеливый, ожидающий своего часа.

Он служил в Канцелярии достаточно долго, чтобы знать: в столице Российской империи, городе паровых дирижаблей и электрических фонарей, городе, что гордился собой как самым передовым на всём материке, — под медными шестернями прогресса по-прежнему ворочалось нечто древнее. Оно не признавало ни указов Сената, ни расписания поездов, ни блеска инженерной мысли. Оно ждало своего часа так же терпеливо, как ждёт заморозков земля под снегом.

И этой ночью, у Троицкого моста, час этот, кажется, настал.

— Пойдёмте, Прохоров, — сказал Вершинин, отворачиваясь от реки. — Едем в Кунсткамеру. Пока не рассвело, пока не набежали академики со своей учёностью — я хочу видеть кабинет Северцева своими глазами.

Он не знал ещё, что этим шагом откроет дверь, которую позже — слишком поздно — захочет захлопнуть навсегда. Дверь, за которой пряталась тайна старше самой империи, тайна, замешанная на крови, меди и вере, которую нельзя было убить ни указом, ни пулей, ни даже верой в разум и прогресс.

Но идола о трёх лицах в кабинете Северцева уже не было.

Глава первая. Кабинет хранителя древностей

Кунсткамера встретила их тишиной, которая в такой час казалась Вершинину почти оскорбительной — как будто дом хранителя древностей не желал знать о случившемся с хозяином несчастье. Швейцар, разбуженный стуком в служебную дверь, долго не мог найти нужную связку ключей, бормотал что-то про «непорядок» и «не по уставу», покуда Вершинин не показал ему предписание за подписью самого директора Департамента полиции.

— Кабинет статского советника наверху, ваше высокоблагородие, в угловой башне, — сказал наконец швейцар, зажигая масляную лампу — электричество в старом здании ещё не провели. — Только он всегда сам запирает дверь на два оборота и ключ носил при себе.

— Тогда придётся ломать, — коротко отозвался Вершинин.

Ломать, впрочем, не пришлось: дверь оказалась приоткрыта — на палец, не больше, — будто кто-то в спешке позабыл повернуть замок. Вершинин отстранил швейцара, вынул из внутреннего кармана шинели небольшой револьвер — не потому, что верил в человеческую опасность, а по многолетней привычке, — и толкнул дверь носком сапога.

Кабинет Северцева поразил его не беспорядком — беспорядка как раз не было, — а тем особым видом порядка, который бывает только у людей, одержимых одной-единственной страстью. Вдоль стен стояли шкафы с раздвижными стеклянными дверцами, а в них — черепки, костяные амулеты, обломки идолов, свёртки бересты с процарапанными знаками. На широком столе лежала раскрытая тетрадь, исписанная убогим почерком, рядом — лупа с медной рукояткой, циркуль, готовальня. В углу тихо гудела маленькая паровая горелка, поддерживавшая тепло в застеклённом шкафу с особо ценными экспонатами — Вершинин слышал, что некоторые берестяные грамоты рассыпаются от петербургской сырости, если их не подогревать.

Но самое заметное — в центре комнаты, на отдельном постаменте черного дерева, зиял пустой круг: там, судя по слою пыли на дереве вокруг него, ещё вчера стояло нечто размером с крупную борзую собаку, свёрнутую клубком. Пыль вокруг постаментов лежала ровным слоем, без единого отпечатка, — а на самом постаменте отчётливо виднелся круглый, чуть светлее остального дерева след, будто предмет простоял там долго, десятилетиями, и его только что унесли.

— Идол о трёх лицах, — пробормотал Вершинин, вспоминая слова репортёра. — Значит, не слухи.

Он подошёл к столу и наклонился над тетрадью. Почерк Северцева — стремительный, с резкими росчерками — был труден для чтения, но кое-что разобрать удалось.

«...третий лик обращён не наружу, а вовнутрь, к самому идолу — что необычно для всей известной науке традиции трёхликих истуканов севера. Полагаю, это не изображение божества, но вместилище — сосуд, куда, по поверью возжан, при определённом ритуале переселяется душа умирающего волхва, дабы через него вещать живым...»

Вершинин перевернул страницу.

«...Ланевский настаивает на немедленной передаче находки в Академию для описи, я же убеждён: прежде необходимо установить, действует ли ритуал доныне. Если хоть часть легенды о Трёхликом Хранителе верна, находка эта опаснее динамитного снаряда — ибо динамит убивает тело, а Хранитель, если верить преданию, забирает...»

На этом запись обрывалась — чернила смазаны, будто перо соскользнуло, когда писавшего кто-то (или что-то) отвлек.

— «Забирает» что? — прошептал Вершинин, чувствуя, как по спине пробегает холод, вовсе не от сквозняка из приоткрытого окна.

За спиной скрипнула половица. Вершинин резко обернулся, вскидывая револьвер, — и увидел в дверях женскую фигуру в тёмном дорожном платье, с саквояжем в руке и решительным, почти вызывающим выражением на бледном, усталом от долгой дороги лице.

— Прошу простить за вторжение, — произнесла она ровным, немного хриловатым от простуды или бессонной ночи голосом, — но я услышала внизу разговор о смерти Модеста Аполлоновича и не смогла не подняться. Меня зовут Аглая Романовна Стрешнева. Я — этнограф, состою в переписке с покойным вот уже три года, а последние две недели работала бок о бок с ним над описью вологодской находки.

Вершинин медленно опустил револьвер, не спуская, впрочем, с гостьи настороженного взгляда.

— В такой час, сударыня, обычно спят, а не разгуливают по Кунсткамере.

— В такой час, — парировала она без тени смущения, — обычно не тонут статские советники под невским льдом при свидетелях, а лёд потом не смыкается сам собой. Я примчалась с вокзала, едва узнав, — мой поезд из Вологды прибыл час назад, я как раз шла к Модесту Аполлоновичу с последними образцами, когда швейцар внизу рассказал мне о случившемся.

Она подошла ближе, поставила саквояж на пол и посмотрела прямо на пустой постамент.

— Идола унесли, — сказала она уже без прежней твёрдости, и голос её впервые дрогнул. — Значит, я опоздала.

— Опоздали куда, Аглая Романовна?

Она подняла на него глаза — серые, тревожные, но ясные, без тени той истерии, что Вершинин уже привык видеть у людей, столкнувшихся с необъяснимым.

— Остановить то, что Модест Аполлонович собирался сделать сегодня ночью. Он написал мне телеграмму вчера утром: «Испытаю ритуал в одиночестве, дабы не подвергать иных риску. Если через сутки не будет вестей — сожгите тетрадь и идола, не читая». Я не успела на дневной поезд. И вот... — она обвела рукой кабинет, — вот к чему это привело.

Вершинин долго молчал, глядя то на неё, то на пустой постамент, то на недописанную строку в тетради.

— Хорошо, Аглая Романовна, — сказал он наконец. — Присядьте. Расскажите мне всё, что знаете о Трёхликом Хранителе — с самого начала, ничего не упуская. У меня чувство, что до рассвета нам обоим предстоит поработать, а не спать.

За окном, где-то над невской набережной, глухо и протяжно взревел гудок ночного дирижабля воздушной почты, и звук этот, отражённый мёрзлыми стенами старого здания, показался Вершинину похожим на чей-то далёкий, полный муки стон.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава вторая. Что рассказала Аглая Романовна

Аглая села на предложенный Вершининым стул у стола, не снимая пальто, и первым делом придвинула к себе тетрадь Северцева, будто хотела удостовериться, что та цела.

— Вы позволите? — спросила она, уже касаясь страниц.

— Не трогайте, — остановил её Вершинин. — Это вещественное доказательство. Расскажите мне словами — тетрадь я прочту сам, позже, внимательно.

Она убрала руку и сцепила пальцы на коленях.

— Хорошо. Только предупреждаю: то, что я скажу, вы, скорее всего, сочтёте бредом провинциальной барышни, начитавшейся народных сказок.

— Я уже видел, как лёд на Неве открывается и закрывается без трещины, — сухо возразил Вершинин. — На сегодня моя способность удивляться исчерпана. Говорите как есть.

— Вожане — народ, живший на землях между Невой и Чудским озером задолго до прихода словен, — начала она, и голос её выровнялся, приобрёл ту особую убеждённость, с какой люди говорят о предмете, которому посвятили годы. — Их вера почти не сохранилась в письменных источниках — только в устных преданиях, которые я записывала в северных деревнях последние пять лет. По этим преданиям, у вожан существовал обряд перехода: умирающий волхв, чувствуя приближение смерти, мог перенести свою волю — не душу целиком, а именно волю, то, чем он повелевал соплеменниками, — в особый идол. Такой идол называли Хранителем.

— Для чего это делалось?

— Чтобы род не остался без вождя духовного в трудную годину. Хранитель, по преданию, мог говорить с живыми через того, кто первым коснётся его после смерти прежнего волхва. Мог вести. Мог карать нарушивших клятву. Легенда прямо говорит: Хранитель судит по старому закону, а не по новому, и не знает милосердия к тем, кто предал слово.

Прохоров, до этого молча топтавшийся у двери, не выдержал:

— Позвольте, сударыня, а Северцев-то чем перед этим идиолом провинился? Он же не вожанин, а статский советник.

Аглая посмотрела на околоточного с некоторым раздражением — не за вопрос, а, кажется, за то, что её перебили.

— Модест Аполлонович нарушил не клятву вожан. Он нарушил своё собственное слово. Он обещал старейшине последней сохранившейся общины на реке Оять, что находка не покинет земель, где её нашли, пока не будет проведён обряд возвращения. А вместо этого распорядился доставить идола прямиком в Петербург, в свой кабинет.

— Зачем же он нарушил обещание, если знал о риске? — спросил Вершинин.

— Из тщеславия, — ответила Аглая почти без паузы, и в голосе её прозвучала горечь, не оставлявшая сомнений: слово далось ей нелегко. — Он мечтал стать первым, кто докажет всей Академии, что легенда о Хранителе — не сказка, а действующий, физически проверяемый обряд. Понимаете, Пётр Аркадьевич, для учёного его толка доказать существование настоящего, работающего языческого чуда — значило перевернуть саму науку. Он говорил мне: «Если я прав, Аглая Романовна, то вся европейская этнография последних тридцати лет — детский лепет».

— И вы ему помогали?

Вопрос прозвучал резче, чем Вершинин собирался его задать. Аглая вскинула на него взгляд — прямой, без тени смущения.

— Я ему возражала, ваше высокоблагородие. Каждый день, начиная с того момента, как ящик из Оятской экспедиции прибыл в Петербург. Я говорила ему, что старейшина Ефимья Саввишна предупреждала: обряд без соблюдения полного круга условий не усмиряет Храни-

теля, а пробуждает его в ярости. Северцев смеялся. Он называл это суевериями необразованных крестьян.

— Однако вы всё-таки прибыли сюда сегодня ночью, а не остались в Вологде дожидаться утра.

— Потому что я не хотела, чтобы упрямство одного человека стоило ему жизни, — отрезала Аглая, и голос её впервые дрогнул от сдерживаемого гнева. — А оно, судя по всему, стоило.

Вершинин отошёл к окну, побарабанил пальцами по раме.

— Хорошо. Допустим на минуту, что легенда верна. Кто, по-вашему, унёс идола из этой комнаты? Если Хранитель забрал Северцева под лёд, зачем ему уносить собственное вместилище?

Аглая на мгновение замаялась — впервые за весь разговор.

— Это меня и тревожит больше всего, — сказала она тихо. — Хранитель сам себя унести не может — у него нет ни рук, ни ног, это резное дерево. Значит, идола унёс человек. Живой человек, который знал, что произойдёт этой ночью, и пришёл забрать добычу, пока никто не хватился.

— То есть у Северцева был сообщник.

— Или соперник, — поправила она. — Кто-то, кто следил за его работой так же пристально, как я, но не для того, чтобы остановить его, а для того, чтобы воспользоваться результатом.

Прохоров, слушавший всё это с растущим беспокойством, шумно вздохнул.

— Ваше высокоблагородие, дозволейте спросить напрямик: мы что же, идола теперь искать станем, как вора с чужими часами?

— Именно так, Прохоров, — кивнул Вершинин. — Только вор этот, боюсь, опаснее обычного мазурика с Сенной площади. Аглая Романовна, у вас есть предположения, кто в Петербурге, помимо вас и Северцева, интересовался Хранителем настолько, чтобы решиться на кражу в ночь его... пробуждения?

Аглая долго молчала, разглядывая пустой постамент, точно надеялась, что идол вот-вот появится там снова.

— Есть один человек, — произнесла она наконец с явной неохотой. — Профессор Ланевский, тот самый, что настаивал на официальной описи находки. Он трижды приходил в этот кабинет без приглашения Модеста Аполлоновича, и каждый раз Северцев после его визитов был мрачен и неразговорчив. А ещё... — она запнулась.

— Договаривайте.

— А ещё есть общество. Северцев упоминал его один раз, спяну, на именинах у ректора, — назвал его «Братством Медного Круга». Больше он об этом не говорил ни слова, а на мои расспросы отвечал, что я «слишком многого хочу знать для собственного же блага».

Вершинин переглянулся с Прохоровым.

— Братство Медного Круга, — повторил он медленно, точно пробуя название на вкус. — Прохоров, запишите. Завтра утром поднимите архивы Канцелярии — если общество с таким именем существует хотя бы на бумаге, я хочу знать об этом раньше, чем взойдёт солнце.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

Вершинин снова повернулся к Аглае.

— А вы, сударыня, до утра никуда из Петербурга не уедете. У меня к вам будет ещё немало вопросов, а у вас, полагаю, найдётся ко мне встречное дело — раз уж вы примчались среди ночи спасать идола, а не собственную репутацию.

Впервые за весь разговор в глазах Аглаи Романовны мелькнуло что-то похожее на слабую, невесёлую улыбку.

— Вы правы, Пётр Аркадьевич. Я никуда не тороплюсь. Тем более что теперь, когда идол пропал, а Модест Аполлонович мёртв, мне, кажется, больше некуда возвращаться — разве что назад, в Оять, с повинной головой к Ефимье Саввишне.

— До Ояти путь неблизкий, — заметил Вершинин. — Начнём отсюда, с профессора Ланевского. Прохоров, узнайте, где он живёт, и разбудите его — вежливо, разумеется, — сообщите, что следователь Особой канцелярии ожидает его в восемь утра здесь же, в Кунсткамере.

— А если он откажется?

— Тогда объясните ему, что отказ будет расценён как нежелание содействовать следствию по делу о насильственной смерти статского советника. Обычно такое объяснение развязывает языки лучше любых уговоров.

Прохоров кивнул, надел шапку и вышел, бормоча себе под нос что-то о том, что будить профессоров среди ночи — дело неблагодарное. Аглая проводила его взглядом, затем снова посмотрела на Вершинина.

— Вы верите мне? — спросила она напрямик. — Про Хранителя, про обряд, про всё это?

— Я верю своим глазам, — ответил Вершинин, — а глаза мои видели сегодня лёд, который открылся и закрылся, как дверь. Верить остальному я пока не готов, но и отмахиваться не намерен. Расскажите мне подробнее про обряд, который собирался провести Северцев. Что для него требовалось?

Аглая набрала в грудь воздуха, будто собираясь с силами для долгого рассказа, и в этот момент откуда-то снизу, из глубины здания, донёсся глухой, протяжный скрип — такой, какой издаёт несмазанная петля старой, редко открываемой двери.

Оба замерли.

— Швейцар? — тихо спросил Вершинин.

— Швейцар остался у входа, я его только что видела, — так же тихо ответила Аглая.

Вершинин вынул револьвер и, знаком велев ей оставаться на месте, шагнул к двери кабинета.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава третья. Швейцар и незванный гость

Лестница угловой башни была узкой, каменной, стёртой посередине множеством ног за полтора века существования здания. Вершинин спускался медленно, держась ближе к стене, где половицы под каменной облицовкой скрипели тише. За спиной, вопреки его знаку, шли шаги — лёгкие, но решительные.

— Я же велел вам остаться, — не оборачиваясь, произнёс он.

— Вы велели, а я не обещала слушаться, — отозвалась Аглая шёпотом. — Кроме того, если это Ланевский или кто-то из Братства, я узнаю его быстрее вас.

Спорить времени не было. Внизу, в коридоре, ведущем к служебному входу, брезжил слабый свет — не электрический, не масляный, а какой-то иной, дрожащий, зеленоватый, будто кто-то нёс перед собой фонарь с цветным стеклом.

Вершинин прижался к углу и выглянул.

У приоткрытой служебной двери, там, где недавно стоял швейцар, теперь никого не было — только его форменная шапка валялась на полу, а сам зеленоватый свет мерцал где-то за поворотом, в глубине коридора, ведущего к запасникам.

— Швейцар! — окликнул Вершинин, не выходя из-за угла. — Отзовитесь!

Ответом была тишина, а затем — звук, от которого у Вершинина похолодело внутри: тихий, ровный скрип, будто что-то тяжёлое медленно волокли по каменному полу.

— Оставайтесь здесь, — велел он Аглае уже без прежней мягкости.

— Ни за что, — отрезала она.

Он не стал больше спорить и, держа револьвер наготове, шагнул в коридор. Зеленоватый свет исчез так же внезапно, как появился, — будто кто-то задул фонарь или спрятал его за пазуху. Вершинин дошёл до поворота, заглянул за угол.

Швейцар лежал на полу у входа в запасник, без чувств, но живой — грудь его мерно поднималась и опускалась. Рядом с ним, на каменных плитах, был рассыпан снег, занесённый, видимо, с улицы через открытую на миг дверь.

— Прохоров! — крикнул Вершинин что было сил, надеясь, что околоточный ещё не успел уйти далеко. — Прохоров, сюда, живо!

Топот сапог не заставил себя ждать — Прохоров, ещё не покинувший здание, вбежал в коридор, придерживая шашку.

— Что случилось, ваше высокоблагородие?

— Швейцара кто-то оглушил. Осмотрите его, приведите в чувство, если возможно, и запирайте служебную дверь на все засовы. Аглая Романовна, — Вершинин повернулся к ней, — идола унёс не один человек — если Северцева забрал Хранитель, а идола вынесли отсюда до нашего с вами прихода, значит, кто-то знал точное время визита Северцева к Неве и точное время, когда кабинет опустеет. Кто ещё, помимо вас и Ланевского, знал расписание Модеста Аполлоновича на сегодняшний вечер?

Аглая, опустившись на колени рядом со швейцаром и осторожно ощупывая его затылок, ответила не сразу.

— Его помощник, Никита Фомич Гаврюшин. Он вёл всю переписку Модеста Аполлоновича, знал о каждой встрече, каждом визите.

— Где его найти?

— Он снимает комнату где-то на Васильевском острове, точного адреса я не знаю, но в канцелярии Кунсткамеры должны быть его бумаги.

Прохоров, склонившийся над швейцаром, вдруг поднял голову.

— Ваше высокоблагородие, он приходит в себя.

Швейцар застонал, приоткрыл глаза, замотал головой, будто отгоняя дурной сон.

— Кто на вас напал? — спросил Вершинин, присаживаясь рядом.

— Не знаю... не видел лица, — прохрипел швейцар. — Вошёл человек, в шинели, с зелёным фонарём в руке... сказал, что от Академии, за какими-то бумагами... а после — темнота...

— Куда он направился после того, как вы упали?

— Не помню... кажется, наверх... к башне...

Вершинин переглянулся с Аглаей. Значит, пока они разговаривали в кабинете, незванный гость мог подняться совсем близко, а после — спуститься другим путём, тем самым скрипом, что они слышали.

— В здании есть чёрная лестница? — спросил он у швейцара.

— Есть, ваше высокоблагородие... с запасников прямо во двор... для доставки экспонатов...

Вершинин поднялся, отряхнул колени.

— Прохоров, оставайтесь при швейцаре, вызовите врача. Аглая Романовна, идёмте — посмотрим, не оставил ли наш гость следов на чёрной лестнице.

Следы, впрочем, обнаружились быстро: у самой двери на задний двор, там, где утоптаный снег во дворе сходиллся со ступенями, отпечатался ясный след сапога — крупного размера, с необычным, ромбовидным рисунком подошвы, какого Вершинин прежде не встречал.

— Фабричная работа, — заметил он, присев на корточки и разглядывая отпечаток при свете фонаря. — Не сапожник тачал, машина штамповала. Такую подошву делают на паровых фабриках обуви — их в Петербурге три или четыре, не больше.

— Значит, у нас есть зацепка, — сказала Аглая, и в голосе её впервые за ночь прозвучало что-то похожее на надежду.

— Есть, — согласился Вершинин, поднимаясь. — Но зацепка эта подождёт до утра — фабрики раньше восьми не откроются, а нам ещё предстоит разговор с профессором Ланевским. Идёмте в дом, здесь холодно, а разговор с вами, Аглая Романовна, я ещё не закончил. Вы остановились на том, что требовалось для обряда, который затеял Северцев.

Они вернулись в тепло служебного коридора, где Прохоров уже усаживал пришедшего в себя швейцара на стул и совал ему в руки кружку с горячим сбитнем, раздобытым неизвестно откуда.

— Обряд требовал трёх условий, — заговорила Аглая, отогревая руки о собственное дыхание. — Первое — идол должен коснуться земли, где был найден, хотя бы горстью той самой земли, принесённой вместе с ним. Второе — тот, кто проводит обряд, должен произнести клятву на языке вожан, слово в слово, без единой ошибки. И третье, самое важное...

Она замолчала, будто вспоминая что-то неприятное.

— Третье?

— Третье — рядом не должно быть ни одного постороннего человека, кроме кровного родственника волхва или того, кому волхв сам передал право слушать. Иначе, по преданию, Хранитель принимает постороннего за врага, желающего похитить силу обряда, и... поступает с ним соответственно.

— Как поступает?

Аглая посмотрела на него прямо, и в глазах её мелькнуло что-то, похожее на страх, смешанный с горьким торжеством собственной правоты.

— Забирает под лёд, Пётр Аркадьевич. Или под землю, или в огонь — смотря по тому, какая стихия ближе к месту обряда. Модест Аполлонович выбрал Неву, потому что земля из Оятской экспедиции была речным илом.

Вершинин долго молчал, обдумывая услышанное.

— Значит, если верить преданию, Северцев допустил ошибку в клятве или же кто-то посторонний оказался рядом с ним на льду. Но свидетели говорят, что он был один.

— Один на льду — да, — тихо сказала Аглая. — Но что, если посторонний находился не на льду, а здесь, в этом здании, и наблюдал за обрядом иным способом? Модест Аполлонович был человеком науки — он мог устроить какое-нибудь механическое наблюдение, зрительную трубу, переговорное устройство...

Вершинин выпрямился.

— Переговорную трубу с набережной до кабинета в Кунсткамере? Это не невозможно технически, но потребовало бы прокладки провода через полгорода.

— А если не провод, а что-то другое? — вмешался вдруг Прохоров, до этого молчавший. — Простите, ваше высокоблагородие, только я слыхал, что в столице завелись частные телеграфные линии — беспроводные, на манер тех, что испытывают в Военном ведомстве. Богатые люди балуются, у кого деньги есть.

Вершинин посмотрел на околоточного с неожиданным уважением.

— Прохоров, вы иногда удивляете меня своей осведомлённостью. Хорошо. Значит, к утренним делам добавляется ещё одно: узнать, у кого в Петербурге есть беспроводный телеграф и не приобретал ли подобное устройство Модест Аполлонович Северцев или кто-либо из его окружения.

— Ланевский, — тихо сказала Аглая. — Он читал лекции по новейшим достижениям электротехники наравне с этнографией. Если у кого и могло быть такое устройство, так у него.

Вершинин посмотрел на часы, вынутые из жилетного кармана. Стрелки показывали без четверти пять утра.

— До встречи с профессором остаётся немногим более трёх часов, — сказал он. — Предлагаю провести их с пользой: Прохоров, отправляйтесь в архив Канцелярии за сведениями о Братстве Медного Круга, как только откроются двери. Аглая Романовна, вам необходим отдых — вы на ногах со вчерашнего дня.

— Отдых подождёт, — возразила она. — Я хочу присутствовать при разговоре с Ланевским.

— Присутствовать вы будете, — согласился Вершинин, — но сперва позавтракаете и хотя бы час поспите в приёмной канцелярии, иначе к восьми утра вы будете годны разве что упасть в обморок, а не задавать вопросы профессору. Это не просьба, Аглая Романовна.

Она хотела было возразить, но, встретив его твёрдый взгляд, лишь устало кивнула.

— Хорошо. Час — и ни минутой больше.

Когда за окном забрезжил первый, ещё серый свет зимнего рассвета, а колокол на Исаакиевском соборе пробил шесть раз, Вершинин остался в опустевшем кабинете хранителя древностей один, при свете одной-единственной свечи, и раскрыл тетрадь Северцева заново — на этот раз с намерением прочесть её от первой до последней страницы, не пропуская ни строки.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава четвёртая. Профессор Ланевский

К половине восьмого Вершинин успел прочесть тетрадь дважды. Записи обрывались на полуслове тем самым размытым чернильным пятном, что он заметил ещё ночью, но перед этим Северцев успел набросать короткий, тревожный абзац, который Вершинин выписал себе в блокнот отдельно:

«Получил сегодня записку без подписи: „Оставь идола в покое, иначе заплатишься, как заплатился твой предшественник“. Кто мой предшественник? Никто из известных мне исследователей севера не занимался Трёхликим Хранителем прежде меня. Разве что...»

На этом абзац обрывался, а следующая страница начиналась уже с описания химического состава ила, добытого вместе с идолом. Вершинин перечитал строку трижды, пытаясь понять, кого имел в виду Северцев под словом «предшественник», но так и не нашёл ответа.

К восьми утра, как и было условлено, Прохоров привёл в кабинет профессора Ланевского — невысокого, полного человека лет пятидесяти пяти, с бакенбардами, тщательно расчёсанными на прусский манер, и явным недовольством на круглом, красноватом от мороза лице.

— Это неслыханно, — заявил он с порога, не дожидаясь приветствия. — Будить человека моих лет ни свет ни заря, тащить в промёрзшее здание, точно преступника...

— Присаживайтесь, Аристарх Феодосьевич, — невозмутимо предложил Вершинин, указывая на стул. — Разговор будет короткий, если вы станете отвечать прямо, и долог, если станете уклоняться.

Ланевский сел, всё ещё бормоча что-то о произволе полиции, но, увидев пустой постамент, разом замолчал.

— Идола нет, — произнёс он изменившимся тоном.

— Именно так. А Модест Аполлонович Северцев минувшей ночью утонул в Неве при обстоятельствах, которые я затрудняюсь назвать обычным несчастным случаем. Вы, полагаю, уже наслышаны.

— Наслышан, — тихо подтвердил Ланевский. — Швейцар внизу рассказал, пока я поднимался. Не могу поверить.

— А я не могу поверить, — заметил Вершинин, — что человек, трижды навещавший этот кабинет без приглашения хозяина в последние две недели, ничего не знает о причинах его смерти. Аглая Романовна утверждает, что после каждого вашего визита Модест Аполлонович был мрачен. О чём вы говорили?

Ланевский покосился на сидевшую в углу Аглаю — она, вопреки уговору, вернулась к назначенному часу, успев лишь наскоро умыться и переодеться, — и вздохнул.

— Я предупреждал его об опасности, — сказал он наконец. — Не о мистической — о научной и репутационной. Модест Аполлонович собирался провести частный, никем не засвидетельствованный эксперимент над находкой государственной важности. Случись что — а случилось именно «что», — вся Академия оказалась бы замешана в скандале. Я настаивал на официальной описи, привлечении комиссии, свидетелей.

— Вы предлагали ему это из заботы о репутации Академии или из личного интереса к идолу?

Ланевский поджал губы.

— Вы позволяете себе излишне резкие предположения, господин следователь.

— Я задаю вопросы, на которые вы вправе не отвечать, — так же ровно возразил Вершинин, — но тогда мне придётся сделать собственные выводы, а они, боюсь, будут не в вашу пользу. Итак: интересовались ли вы идолом сами, помимо служебных обязанностей?

Профессор долго молчал, разглядывая свои руки.

— Интересовался, — признал он наконец. — Я тридцать лет занимаюсь электротехникой и физикой атмосферных явлений, господин следователь. Когда Модест Аполлонович показал мне первую страницу своих записей о так называемом Трёхликом Хранителе — о переносе воли умирающего в неодушевлённый предмет, — я увидел в этом не суеверие, а нечто иное: возможное свидетельство неизвестного науке физического принципа. Быть может, сходного с тем, что лежит в основе беспроводной передачи сигнала, которую я сам испытываю последние два года.

Вершинин переглянулся с Аглаей — та едва заметно кивнула, подтверждая свою догадку.

— У вас есть беспроводный телеграфный аппарат?

— Есть, — не стал отрицать Ланевский. — Экспериментальный, собственной конструкции, установлен в моём кабинете на Васильевском острове. Но при чём здесь он?

— При том, — сказал Вершинин, — что кто-то, возможно, наблюдал за обрядом Северцева на набережной с помощью подобного устройства, не выходя из тёплого помещения. У вас есть алиби на минувшую ночь, Аристарх Феодосьевич?

Ланевский побледнел.

— Вы полагаете, что я... — он не договорил, задохнувшись от возмущения. — Господин следователь, я весь вечер провёл дома, за работой над докладом для мартовского заседания Академии. Моя экономка может подтвердить, что я не выходил из кабинета до полуночи.

— А после полуночи?

— После полуночи я лёг спать, как и подобает человеку моих лет. Свидетелей моему сну, разумеется, нет.

Вершинин помолчал, обдумывая услышанное.

— Скажите, Аристарх Феодосьевич, вам знакомо название «Братство Медного Круга»?

Реакция профессора оказалась красноречивее любых слов: он резко выпрямился на стуле, побледнел ещё сильнее и бросил быстрый, почти испуганный взгляд на дверь, будто проверяя, не подслушивает ли кто снаружи.

— Откуда вам это известно? — спросил он шёпотом.

— Значит, знакомо, — констатировал Вершинин. — Рассказывайте, профессор. И на этот раз, будьте добры, без уверток — я вижу по вашему лицу, что вы напуганы не моим вопросом, а самим предметом.

Ланевский долго молчал, потирая пухлыми пальцами виски, и когда заговорил, голос его звучал глухо, будто он выдавливал слова через силу.

— Братство Медного Круга — общество, основанное ещё во времена государя Николая Павловича, — начал он. — Официально — клуб любителей древностей и механических диковин, из тех, что нынче в моде среди петербургской знати. Неофициально... поговаривают, что Братство ищет способ соединить древние обряды северных народов с новейшими достижениями механики и электричества. Соединить веру и науку, если угодно, в единый инструмент власти.

— Инструмент власти над чем? — резко спросила Аглая, до этого молчавшая.

— Над волей людей, сударыня, — тихо ответил Ланевский, не глядя на неё. — Так, по крайней мере, гласит молва среди тех немногих в Академии, кто вообще слышал это название и не побоялся о нём заговорить. Хранитель, о котором писал Северцев, — не первая подобная находка, которой интересовалось Братство. Ходят слухи о предыдущих экспедициях, снаряжённых на его же деньги, задолго до Северцева.

Вершинин вспомнил недописанную строку в тетради: *«Кто мой предшественник?»*

— Вам известны имена этих прежних исследователей? — спросил он.

— Одно имя я слышал, — нехотя произнёс Ланевский. — Профессор Аполлон Игнатьевич Северцев. Отец Модеста Аполлоновича. Он вёл схожие изыскания на севере лет тридцать

назад и пропал без вести во время одной из экспедиций — считается, замёрз в тайге. Тела так и не нашли.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием свечи. Аглая медленно поднялась со стула, глядя на профессора широко раскрытыми глазами.

— Модест Аполлонович никогда не упоминал при мне отца, — сказала она. — Ни разу за три года переписки.

— Значит, он либо не знал правды о его исчезновении, либо знал и предпочитал молчать, — заметил Вершинин. — Аристарх Феодосьевич, кто сейчас возглавляет Братство Медного Круга?

Ланевский покачал головой.

— Этого я не знаю, господин следователь, и, честно признаюсь, знать не желаю. Люди, задававшие подобные вопросы слишком настойчиво, имели обыкновение исчезать из петербургского общества самым внезапным образом — кто уезжал за границу без объяснений, кто, как говорят, попадал в психиатрическую лечебницу за «нервическое расстройство». Я человек науки, а не героического романа, и предпочитаю прожить остаток дней в своём кабинете с телеграфным аппаратом, а не гоняться за тайными обществами.

— Однако вы согласились прийти сегодня и всё же рассказали, — заметил Вершинин.

— Согласился, потому что Модест Аполлонович был мне если не другом, то добрым коллегой, — ответил профессор с неожиданной горечью. — И потому что, видит Бог, я устал молчать. Но дальше этого моя смелость, господин следователь, боюсь, не простирается. Больше мне сказать нечего.

Вершинин понимал: давить сейчас бесполезно — испуганный человек либо замкнётся окончательно, либо начнёт лгать, лишь бы отвязаться. Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Благодарю за откровенность, Аристарх Феодосьевич. Прошу вас никуда не выезжать из Петербурга в ближайшие дни — вы, вероятно, понадобится следствию ещё не раз.

Когда профессор, торопливо откланявшись, покинул кабинет, Аглая повернулась к Вершинину, и в глазах её читалась смесь потрясения и решимости.

— Отец и сын, оба искавшие одного и того же Хранителя, оба поплатившиеся жизнью, — произнесла она медленно. — Пётр Аркадьевич, это уже не просто мистическое происшествие. Это семейная трагедия длиной в тридцать лет, и Братство Медного Круга стоит в её центре.

— Согласен, — коротко ответил Вершинин, убирая блокнот в карман. — И раз так, нам необходимо найти хоть одного живого свидетеля, заставшего первую экспедицию Аполлона Игнатьевича. Прохоров!

Околоточный, ожидавший за дверью, заглянул в кабинет.

— Слушаю, ваше высокоблагородие.

— Что удалось узнать в архиве по Братству Медного Круга?

Прохоров помялся, явно не желая начинать доклад с дурных вестей.

— Ваше высокоблагородие... дело в том, что архивная папка с этим названием значится в описи, а самого дела внутри — нет. Кто-то изъяс его, и, судя по пыли на соседних папках, изъяс давно, ещё до моего поступления на службу.

Вершинин и Аглая переглянулись. Молчание, повисшее между ними, было красноречивее любых слов: Братство, о котором говорил Ланевский с таким страхом, судя по всему, имело доступ не только к петербургским особнякам и лабораториям, но и к архивам самой Особой следственной канцелярии.

— Значит, — тихо произнёс Вершинин, — придётся искать ответы там, где бумаге ещё не позволили исчезнуть. Аглая Романовна, вы упоминали старейшину общины на реке Оять — Ефимью Саввишну. Как скоро мы можем отправиться к ней?

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава пятая. Фабрика на Обводном канале

— Поезд до Оять-погоста ходит трижды в неделю, — ответила Аглая. — Ближайший — послезавтра утром. Раньше не выйдет: дальше пути нет, придётся нанимать сани от станции.

— Значит, два дня у нас есть, — сказал Вершинин, — и потратить их следует не на ожидание, а на след, который мы уже нашли. Прохоров, вы говорили, что подобные подошвы штампуют на паровых фабриках. Сколько их в городе?

— Четыре, ваше высокоблагородие. Обуховская, на Выборгской стороне; Ронталера на Литейном — там больше офицерские сапоги шьют; фабрика Скорохода на Заставской, самая крупная; и ещё небольшая мастерская Гольдберга на Обводном канале, она с иностранными машинами работает, узор подошвы у неё особый, я слышал.

— Особый узор — это то, что нам нужно, — кивнул Вершинин. — Едем к Гольдбергу.

Фабрика Гольдберга встретила их гулом машин, слышным ещё с улицы, и запахом варёной кожи и машинного масла, от которого у Аглаи, непривычной к городским мануфактурам, тут же заслезились глаза.

— Экая вонь, — пробормотала она, прижимая к носу платок.

— Прогресс редко пахнет розами, — заметил Вершинин, толкая тяжёлую железную дверь конторы.

Хозяин — сам Соломон Маркович Гольдберг, невысокий, юркий человек с пронизательным взглядом и порыжевшими от табака усами, — принял их без промедления, едва услышав слово «следователь».

— Чем обязан, ваше высокоблагородие? Уж не пожар ли кто заподозрил, не приведи Господь?

— Пожара не было, — успокоил его Вершинин, доставая из папки лист бумаги с зарисованным по памяти отпечатком подошвы — набросок был грубоват, но узор Вершинин перерисовал тщательно, по горячим следам. — Скажите, эта подошва — ваша работа?

Гольдберг взял лист, надел на нос пенсне, долго вглядывался.

— Моя, — сказал он наконец с явной гордостью, смешанной с настороженностью. — Модель «Германь», по образцу венской колодки, машина из Лейпцига штампует. Такой рисунок больше нигде в Петербурге не сделают — я патент выправил в прошлом году.

— Кому вы продаёте обувь с этой подошвой?

Гольдберг развёл руками.

— Дело коммерческое, ваше высокоблагородие, покупатель не докладывает, для чего сапоги берёт. Но модель дорогая, не для простого люда — офицерам продаём, инженерам с фабрик, чиновникам достаточного чина. Штучный товар, если угодно.

— У вас ведётся книга заказов? Список тех, кто покупал именно эту модель за последний месяц?

— Ведётся, как не вестись — иначе как я налоги плачу, — Гольдберг подошёл к конторке, вынул из ящика толстую разлинованную тетрадь и принялся листать её, послунявив палец. — Так-с, так-с... модель «Германь», размеры сорок второй и сорок третий... вот, извольте: за последний месяц продано семь пар.

— Назовите покупателей.

Гольдберг зачитал список — четыре армейских офицера, два инженера с Путиловского завода и, седьмым в перечне, значилось имя, от которого Аглая, стоявшая у окна, резко обернулась.

— Никита Фомич Гаврюшин, — прочитал Гольдберг. — Заплатил наличными, доставку просил на квартиру на Васильевском острове, седьмая линия.

— Помощник Северцева, — тихо произнесла Аглая. — Тот самый, о котором я говорила ночью.

Вершинин почувствовал знакомое, почти физическое напряжение, охватывавшее его всякий раз, когда разрозненные нити следствия вдруг сходились в один узел.

— Соломон Маркович, — сказал он, — когда именно была совершена эта покупка?

Гольдберг сверился с записью.

— Двадцать девятого декабря, ваше высокоблагородие. Неделю назад ровно.

— То есть накануне того дня, когда Северцев получил ящик с находками из Оятской экспедиции, — заметила Аглая.

— Именно, — подтвердил Вершинин. Он поблагодарил хозяина фабрики, оставил ему свою карточку с просьбой немедленно уведомить Канцелярию, если Гаврюшин или кто-либо иной вновь явится за подобным заказом, и вышел на морозную улицу вместе с Аглаей и притихшим Прохоровым.

— Едем на седьмую линию Васильевского острова, — распорядился он, усаживаясь в поджидавшие сани.

Квартира Гаврюшина оказалась заперта, а хозяйка дома, сдававшая комнаты внаём, сообщила, что жилец не появлялся со вчерашнего утра и задолжал за неделю.

— Обходительный молодой человек, — добавила она, впрочем, без особой теплоты в голосе, — да больно скрытный. Письма получал часто, а от кого — не сказывал. И третьего дня к нему приходил гость, важный такой, в шубе с бобровым воротником, они полдня в комнате просидели, а после гость ушёл сердитый.

— Вы разглядели гостя?

— Издали видала, из окна кухни. Высокий, с тростью, лицо не заметила — воротник шубы поднят был.

Вершинин попросил разрешения осмотреть комнату — хозяйка не возражала, лишь заметила, что за долг придётся ответить кому-нибудь, раз уж жилец пропал. Комната Гаврюшина оказалась почти пуста: узкая кровать, стол, несколько книг по этнографии на полке — и никаких личных бумаг, ни писем, ни записей. Кто-то успел побывать здесь раньше следствия и вынести всё, что могло дать зацепку.

— Второй раз за сутки нас опережают, — заметил Вершинин, оглядывая пустые ящики стола. — Кто бы ни стоял за похищением идола, он действует быстро и хладнокровно, точно знает наши шаги наперёд.

— Или наперёд знает шаги Модеста Аполлоновича, — тихо добавила Аглая, — а мы просто идём по его следу с опозданием.

Вершинин повернулся к ней.

— Вы полагаете, Гаврюшин мог быть в сговоре с Братством с самого начала?

— Я не знаю, Пётр Аркадьевич, — призналась она. — Но если так, значит, я работала бок о бок с предателем два года и ничего не заметила. Мысль эта мне отвратительна.

В её голосе прозвучала неподдельная боль, и Вершинин, глядя на неё, впервые за это долгое утро почувствовал не только профессиональный интерес следователя, но и нечто похожее на сочувствие человеку, чей упорядоченный мир учёного вдруг обрушился в одночасье.

— Не вините себя раньше времени, — сказал он мягче, чем собирался. — Люди, служащие Братству вроде того, о котором говорил Ланевский, умеют скрывать свою природу годами. Это их ремесло, а не ваша слепота.

Аглая благодарно взглянула на него, но тут же вновь посуровела лицом, будто устыдившись минутной слабости.

— Что теперь, Пётр Аркадьевич?

— Теперь, — сказал Вершинин, выходя из опустевшей комнаты, — мы объявим розыск Никиты Фомича Гаврюшина по всей столице, установим наблюдение за домом Ланевского на

случай, если гость с тростью и бобровым воротником вернётся, и используем оставшиеся до поезда два дня, чтобы узнать как можно больше о Братстве Медного Круга из источников, до которых оно, надеюсь, ещё не успело дотянуться.

— Каких источников?

Вершинин на мгновение задумался, будто взвешивая, стоит ли делиться этой мыслью вслух, а затем произнёс с лёгкой, невесёлой усмешкой:

— У меня есть старый знакомый, Аглая Романовна. Человек, который тридцать лет собирает петербургские слухи и легенды с таким же усердием, с каким вы собираете предания северных деревень. Он давно отошёл от дел, живёт затворником в Коломне и не любит, когда его тревожат по пустякам. Но сегодняшний день, боюсь, пустяком не назовёшь.

— Кто он?

— Бывший следователь Особой канцелярии, мой учитель по службе, — ответил Вершинин, направляясь к саням. — Аполлинарий Егорович Крутицын. Если кто в этом городе и помнит времена, когда пропал без вести отец Северцева, так это он.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава шестая. Дом в Коломне

Коломна встретила их тем особым, тихим убожеством, что отличает окраинные кварталы старой столицы от парадного блеска Невского проспекта: покосившиеся заборы, обшарпанные фасады доходных домов, узкие переулки, где снег лежал грязными, нетронутыми дворницкой метлой кучами.

Дом Крутицына оказался двухэтажным, деревянным, с резными, потемневшими от времени наличниками и печной трубой, из которой лениво поднимался дымок. Вершинин постучал условным стуком — три коротких удара, пауза, ещё один, — привычка, сохранившаяся, видно, с давних лет службы.

Дверь отворилась не сразу. На пороге возник высокий, худой старик с длинной седой бородой и цепким, отнюдь не старческим взглядом серых глаз — тем же взглядом, каким, подумалось Аглае, наверняка обладал в молодости и сам Вершинин.

— Пётр, — произнёс старик без особого удивления, будто ждал этого визита. — Не заходил три года, а тут вдруг явился, да ещё с барышней. Стряслось что-то серьёзное.

— Стряслось, Аполлинарий Егорович, — подтвердил Вершинин. — Позвольте войти, разговор не для порога.

Крутицын посторонился, впуская их в тесную, но опрятную горницу, где вдоль стен теснились книжные полки, а на столе среди бумаг стоял медный самовар, уже пыхтевший паром.

— Присаживайтесь, — велел он, разливая чай по трём чашкам с потемневшей позолотой. — Рассказывайте, что за нужда привела бывшего ученика к старому затворнику.

Вершинин коротко, без лишних подробностей, изложил события минувшей ночи: смерть Северцева, пропажу идола, рассказ Ланевского о Братстве Медного Круга, исчезнувшее архивное дело и, наконец, упоминание Аполлона Игнатьевича Северцева — отца покойного, пропавшего без вести тридцать лет назад.

По мере рассказа лицо Крутицына менялось: настороженность сменилась мрачной сосредоточенностью, а к концу повествования старик отставил чашку и долго молчал, глядя на огонь в печи.

— Значит, дошло и до сына, — произнёс он наконец глухо. — Я всё гадал, доживу ли до этого дня.

— Вы знали Аполлона Игнатьевича? — спросила Аглая, не сдержавшись.

Крутицын перевёл на неё взгляд, будто впервые внимательно её разглядывая.

— Знал, сударыня. Я вёл дело о его исчезновении в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году, тогда я был молод и глуп, немногим старше Петра сейчас. Дело закрыли через полгода, официально признав Аполлона Игнатьевича погибшим от переохлаждения в тайге. Неофициально же...

— Неофициально? — поторопил Вершинин.

— Неофициально мне велели закрыть дело, — сказал Крутицын с горечью, которую не смогли смягчить и тридцать минувших лет. — Указание пришло не от моего непосредственного начальника, а откуда-то выше, из кругов, куда простому следователю заглядывать не полагалось. Мне тогда дали понять предельно ясно: дальнейшее расследование грозит не только концом карьеры, но и куда более серьёзными неприятностями.

— Вы подчинились, — заметил Вершинин без осуждения, лишь констатируя факт.

— Подчинился, — не стал спорить Крутицын. — У меня к тому времени была молодая жена и грудной ребёнок, Пётр. Я не был героем и не претендую на это звание теперь. Но кое-что я всё же успел выяснить, прежде чем меня остановили, и записи эти сохранил — из упрямства, а быть может, из совести, которая всё же не давала мне покоя все эти годы.

Он поднялся, подошёл к одной из книжных полок и, отодвинув несколько тяжёлых томов, извлёк из тайника за ними потрёпанную папку, перевязанную выцветшей от времени тесьмой.

— Вот, — сказал он, кладя папку на стол. — Всё, что мне удалось собрать за те полгода. Возьмите, Пётр, мне эти бумаги больше ни к чему — разве что напоминают старику о собственном малодушии.

Вершинин развязал тесьму и принялся листать пожелтевшие страницы, исписанные знакомым, хотя и более молодым почерком Крутицына. Аглая заглядывала ему через плечо, не в силах сдерживать нетерпения.

— Братство Медного Круга было основано, по моим тогдашним сведениям, в тысяча восемьсот тридцать втором году, — рассказывал Крутицын, вновь усаживаясь и разливая остывающий чай. — Учредителями значились несколько сановников и один инженер, чьё имя мне удалось узнать лишь косвенно — Никодим Львович Бельский, конструктор паровых механизмов, приближённый ко двору. Официальная цель общества — «споспешествование соединению механических искусств с изучением древних верований для блага державы». Так, во всяком случае, значилось в уставе, который я успел получить копию до того, как оригинал исчез из архива Департамента полиции — точно так же, как исчезло теперь дело, о котором говорит Прохоров.

— А неофициальная цель? — спросил Вершинин.

— Неофициальная, — Крутицын понизил голос, хотя в доме, кроме них троих, не было ни души, — состояла, по слухам, в поиске способа создать инструмент управления волей подданных империи через соединение древних ритуалов с новейшими достижениями механики. Идея, если вдуматься, не такая уж безумная для человека той эпохи: паровые машины уже тогда меняли облик страны на глазах, электричество внушало трепет как нечто почти сверхъестественное. Отчего бы не предположить, что и древняя магия северных народов — не суеверие, а ещё не изученная сила, которую можно подчинить и приспособить к государственным нуждам?

— Значит, Братство существует по сей день? — уточнила Аглая.

— Существует, сударыня, и, судя по вашему рассказу, действует активнее, чем когда-либо. Тридцать лет назад Аполлон Игнатьевич Северцев обнаружил в северной экспедиции сведения о Трёхликом Хранителе — первые серьёзные сведения, какие вообще попадали в руки учёных. Братство, узнав об этом, предложило ему сотрудничество, а когда он отказался, поделиться находкой с целями, показавшимися ему сомнительными и опасными, — он исчез в тайге при обстоятельствах, до странности похожих на те, что вы описываете применительно к его сыну.

Вершинин, дочитавший до нижней части страницы, вдруг замер.

— Аполлинарий Егорович, здесь упомянуто ещё одно имя — некто Всеволод Аркадьевич Мирошин, обозначенный как «нынешний хранитель круга» по состоянию на тысяча восемьсот шестьдесят третий год. Он до сих пор жив?

Крутицын покачал головой.

— Мирошин скончался лет пятнадцать назад, о том писали в некрологах — вполне уважаемых, ни намёка на скандал. Но у людей вроде него, Пётр, редко бывает лишь одно поколение преемников. Если Братство существует и поныне, значит, кто-то унаследовал место Мирошина во главе круга, и этот кто-то, судя по всему, достаточно влиятелен, чтобы изымать архивные дела из самой Канцелярии, не опасаясь последствий.

— У вас есть предположения, кто бы это мог быть? — спросил Вершинин.

Старик долго молчал, вглядываясь то в огонь, то в лица своих гостей, будто взвешивая, насколько может доверять им обоим.

— Есть одно имя, — произнёс он наконец нехотя. — Но прежде, чем назвать его, Пётр, я должен предупредить тебя серьёзно, а не для проформы: если я прав, человек, о котором

пойдёт речь, занимает положение в столице настолько высокое, что одно неосторожное упоминание его имени в связи с этим делом может стоить тебе не только должности, но и жизни. Подумай хорошенько, действительно ли ты хочешь его услышать.

Вершинин, не колеблясь, кивнул.

— Хочу, Аполлинарий Егорович. Человек утонул подо льдом на моих глазах, второй пропал без вести, а третий, тридцать лет назад, замёрз в тайге при не менее подозрительных обстоятельствах. Я следователь Особой канцелярии, и молчание — не то средство, что останавливает подобную цепь смертей.

Крутицын вздохнул, точно человек, снимающий с плеч тяжкую ношу, которую нёс слишком долго.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушайте оба внимательно, потому что повторять я это не стану и записывать не советую — здесь, в этом доме, стены хоть и мои, а уши, боюсь, могут оказаться не только моими.

Он придвинулся ближе к столу, понизив голос почти до шёпота, и Аглая невольно затаила дыхание, склонившись вперёд вместе с Вершининым, чтобы не упустить ни единого слова старого следователя.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава седьмая. Имя

— Тайный советник Пантелеймон Родионович Свяжский, — произнёс Крутицын так тихо, что Аглае пришлось напрячь слух. — Товарищ министра внутренних дел, курирует, среди прочего, дела Академии наук и Кунсткамерное собрание. Официально — образцовый чиновник, коллекционер древностей, покровитель наук и искусств. Он тридцать лет назад, ещё будучи молодым чиновником особых поручений, встречался с Аполлоном Игнатьевичем Северцевым за месяц до его исчезновения — я сам нашёл запись об этой встрече в путевом журнале экспедиции, прежде чем журнал этот тоже пропал из моего дела.

— Свяжский, — медленно повторил Вершинин, будто пробуя имя на вкус, взвешивая его тяжесть. — Я слышал о нём. Он присутствовал на прошлогоднем приёме в Зимнем, где вручали награды инженерам воздухоплавательного корпуса.

— Именно он, — подтвердил Крутицын. — И заметьте, Пётр: тридцать лет назад он был молодым чиновником, а нынче — товарищ министра, человек, вхожий в самые высокие кабинеты империи. Если Братство существует и действует по сей день, логичнее всего предположить, что власть в нём давно перешла от старика Мирошина к людям вроде Свяжского — тем, кто в силах не только собирать редкости, но и вычёркивать неудобные дела из архивов одним росчерком пера.

Аглая, до этого молчавшая, вдруг спросила:

— Аполлинарий Егорович, а если Свяжский действительно стоит во главе Братства — что мешало ему прекратить эту историю ещё тридцать лет назад, когда исчез Аполлон Игнатьевич? Зачем ждать, пока сын повторит путь отца, и лишь теперь вновь заняться поисками Хранителя?

Вопрос был точен, и Крутицын одобрительно взглянул на неё, как смотрит опытный учитель на способного ученика.

— Хороший вопрос, сударыня, — сказал он. — У меня есть лишь предположение, не более. Тридцать лет назад Аполлон Игнатьевич успел спрятать находку прежде, чем Братство до неё добралось, — по крайней мере, так гласила легенда среди немногих посвящённых в те годы. Идол, возможно, пролежал все эти десятилетия там, где его оставил старший Северцев, — в земле общины на реке Оять, под охраной той самой Ефимьи Саввишны или её предшественников. Модест Аполлонович, не зная о судьбе отца, случайно наткнулся на ту же находку в ходе собственных изысканий — и Братство, узнав об этом, вновь пришло в движение.

— Значит, — медленно произнесла Аглая, — мы имеем дело не с новым заговором, а со старым, тлевшим тридцать лет и лишь теперь вспыхнувшим заново.

— Именно так, сударыня, — кивнул Крутицын. — И в этом, если позволите старику дать совет, ваша главная опасность: вы полагаете, что противостоите заговорщикам, недавно затеявшим свою игру. На деле же вы вступаете в схватку с силой, которая готовилась тридцать лет, отточила методы, устранила всех прежних свидетелей и знает наперёд каждый ваш следующий шаг лучше, чем вы сами.

Вершинин поднялся, прошёлся по тесной горнице, остановился у окна, за которым стужались ранние зимние сумерки.

— Аполлинарий Егорович, вы понимаете, что если Свяжский действительно во главе Братства, я не смогу арестовать его на основании ваших тридцатилетней давности записей и слухов, ходивших в Академии. Мне нужны доказательства — веские, неопровержимые, такие, что устоят перед судом или хотя бы перед государем, если дело дойдёт до высочайшего внимания.

— Знаю, — согласился Крутицын. — Потому и советую тебе действовать иначе, чем действовал бы обычный следователь по обычному делу об убийстве. Найди идола прежде, чем

Братство успеет завершить свой обряд, каким бы он ни был. Само присутствие живого, действующего Хранителя в твоих руках станет доказательством весомее любых архивных записей — уже хотя бы потому, что заставит Братство раскрыться, попытавшись вернуть находку любой ценой.

— Вы предлагаете использовать идола как приманку, — заметил Вершинин без особого энтузиазма.

— Я предлагаю понять, Пётр, что в этой игре у тебя нет иного оружия, кроме самой ставки, за которую играют твои противники, — жёстко ответил Крутицын. — Либо ты найдёшь идола первым и вынудишь Братство действовать открыто, себе на погибель, либо Братство завершит начатое, и тогда уже не будет иметь значения, какими доказательствами ты располагаешь, — потому что противостоять тебе будет не человек со связями, а нечто такое, против чего бессильны и связи, и суды, и государевы указы.

В горнице повисла тяжёлая тишина. Аглая почувствовала, как холодок пробежал по спине — не от сквозняка, а от той спокойной, будничной уверенности, с которой старый следователь произнёс последние слова, точно давно свыкся с мыслью о силах, которым не писаны человеческие законы.

— Хорошо, — сказал наконец Вершинин. — Мы едем на реку Оять, к Ефимье Саввишне, как и планировали. Если идол действительно направляется туда, где его когда-то спрятал Аполлон Игнатьевич, — а Аглая Романовна полагает, что обряд без соблюдения всех условий может потребовать возвращения находки на исходное место, — у нас есть шанс опередить Братство.

— Опасное предположение, — заметил Крутицын. — Но, за неимением лучшего, разумное. Возьмите с собой это, — он придвинул к Вершинину папку с записями, — и ещё одну вещь.

Он снова поднялся, подошёл к сундуку в углу горницы и, порывшись, извлёк небольшой, потемневший от времени медный амулет в форме переплетённых колец — грубой, но искусной работы, явно очень старый.

— Это дал мне Аполлон Игнатьевич незадолго до своего исчезновения, — пояснил старик, протягивая амулет Вершинину. — Сказал: «Если со мной что случится, передайте это тому, кто продолжит поиски». Я хранил его тридцать лет, не зная, кому передать, и уже почти смирился с мыслью, что унесу эту вещь в могилу без всякой пользы. Возьмите, Пётр. По преданиям вожан — Аглая Романовна, вероятно, подтвердит, — подобные амулеты защищают носящего от гнева Хранителя, если тот примет его за постороннего.

Аглая взяла амулет из рук Крутицына, повертела в пальцах, рассматривая узор.

— Это действительно вожанская работа, — подтвердила она с удивлением. — Такой знак — переплетённые тройные кольца — я видела лишь однажды, на амулете старейшины общины, самой Ефимьи Саввишны. Аполлинарий Егорович, откуда у Аполлона Игнатьевича была подобная вещь?

— Полагаю, — ответил Крутицын, — он получил её от той же общины, в благодарность или в залог доверия — прежде, чем Братство лишило его возможности этим доверием воспользоваться. Возьмите амулет с собой на реку Оять, сударыня, — быть может, старейшина узнает в нём знак, оставленный человеком, которому она однажды поверила.

Аглая молча кивнула и спрятала амулет во внутренний карман дорожного платья, ближе к сердцу, будто вещь эта, пролежавшая тридцать лет в чужом сундуке, внезапно приобрела для неё особую, почти священную значимость.

Уже у двери, провожая гостей, Крутицын удержал Вершинина за рукав.

— Пётр, — сказал он тихо, так, чтобы Аглая, спускавшаяся к саням, не расслышала, — я хочу, чтобы ты понял одну вещь прежде, чем уедешь. Тридцать лет назад я предал память Аполлона Игнатьевича молчанием — не потому, что был плохим следователем, а потому, что испугался за собственную семью. Я не прошу тебя повторить мою ошибку, но и не хочу, чтобы

ты повторил мою участь безвольного свидетеля. Если дело дойдёт до выбора между собственной безопасностью и правдой — а оно дойдёт, я это чувствую, — вспомни, что человек, промолчавший однажды из страха, потом молчит уже до конца жизни, даже когда страх давно миновал.

Вершинин посмотрел на старика долгим, серьёзным взглядом.

— Я запомню, Аполлинарий Егорович.

— И ещё, — добавил Крутицын, отпуская наконец его рукав, — береги барышню. Она умна и смела, а это опасное сочетание в деле, где противник не остановится ни перед чем. Умные и смелые гибнут первыми, Пётр, — я видел это слишком часто за свою службу.

Вершинин молча кивнул и вышел на морозный воздух, где у саней его уже ждала Аглая, кутаясь в шаль и глядя на подступающие сумерки над крышами Коломны с тем особым выражением решимости, что появляется у человека, только что осознавшего истинный размах предстоящей битвы.

— Куда теперь, Пётр Аркадьевич? — спросила она, когда сани тронулись.

— Теперь, — ответил Вершинин, — в Канцелярию, отдать распоряжения на время нашего отсутствия, а после — домой, собираться в дорогу. Поезд до Оять-погоста отходит послезавтра на рассвете, и я хочу, чтобы к этому времени мы оба были готовы не только к долгой дороге, но и к тому, что ждёт нас в её конце.

Аглая посмотрела на него испытующе.

— Вы верите теперь в Хранителя, Пётр Аркадьевич? По-настоящему верите, не просто как в загадку, требующую разгадки?

Вершинин долго молчал, глядя на проплывающие мимо тёмные фасады коломенских домов, прежде чем ответить.

— Я верю, что человек, лежащий подо льдом Невы, не воскреснет от моего неверия, — сказал он наконец. — А остального, Аглая Романовна, я предпочитаю не утверждать заранее, покуда не увижу это остальное собственными глазами. Впрочем, — добавил он тише, — после сегодняшнего дня мне всё труднее находить утешение в скептицизме.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава восьмая. Тень у подъезда

В Канцелярии Вершинина ждал доклад от Прохорова: розыск Гаврюшина результатов пока не дал, наблюдение за домом Ланевского установлено, а хозяйка дома на седьмой линии, где снимал комнату пропавший помощник Северцева, дала показания приставу — теперь уже более подробные, чем поначалу.

— Она вспомнила ещё кое-что про гостя в шубе с бобровым воротником, — доложил Прохоров, заглядывая в собственные записи. — Говорит, что заметила у него на левой руке перстень — золотой, с зелёным камнем, необычной огранки. И трость у него была не простая — набалдашник в виде совиной головы, тоже золотой.

— Приметы недурны, — заметил Вершинин. — Разошлите описание по околоточным надзирателям всех частей города — вдруг кто-нибудь из швейцаров или дворников гостиниц узнает подобного посетителя.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие. Да, ещё одна новость: из Департамента полиции пришёл запрос — интересуются, отчего следствие по делу об утонувшем статском советнике до сих пор не закрыто с формулировкой «несчастный случай». Попросят представить объяснение к завтрашнему утру.

Вершинин нахмурился.

— Кто именно интересуется?

Прохоров сверился с бумагой.

— Подписано канцелярией товарища министра внутренних дел, ваше высокоблагородие. Господина Свияжского.

Аглая, стоявшая рядом, резко втянула воздух. Вершинин же остался внешне невозмутим, хотя пальцы его сжались чуть крепче вокруг папки с записями Крутицына.

— Понятно, — сказал он ровным голосом. — Значит, нашей находкой уже заинтересовались на самом верху. Подготовьте формальный ответ, Прохоров: следствие продолжается ввиду обнаружения признаков насильственной смерти и пропажи ценного экспоната государственного значения. Больше в объяснении писать ничего не нужно.

— А если спросят подробностей?

— Тогда ответите, что подробности следствия составляют служебную тайну и будут представлены по завершении дела установленным порядком.

Прохоров кивнул, явно с облегчением от того, что писать объяснение придётся не ему лично, и удалился выполнять поручение. Аглая же, дождавшись, пока они с Вершининым останутся в кабинете одни, тихо спросила:

— Он уже знает, что мы напали на его след?

— Скорее всего, — не стал скрывать Вершинин. — Запрос из его канцелярии пришёл слишком быстро после смерти Северцева, чтобы быть простой формальностью. Свияжский либо следит за ходом дела через собственных осведомителей в Департаменте, либо кто-то из моих коллег уже успел доложить ему о наших сегодняшних визитах.

— Значит, у нас меньше времени, чем мы думали.

— Значит, — согласился Вершинин, — нам следует поторопиться со сборами и постараться выехать из города так, чтобы это не бросалось в глаза раньше времени.

Остаток дня прошёл в хлопотах: Вершинин отдал необходимые распоряжения по канцелярии, выправил командировочные бумаги на выезд в Оятский уезд под предлогом «осмотра места находки археологического значения» — формулировка достаточно расплывчатая, чтобы не привлекать лишнего внимания, — и лишь к вечеру наконец отпустил Аглаю в гостиницу неподалёку от вокзала, где для неё был снят номер за казённый счёт.

— Отдохните как следует, — сказал он на прощание. — Завтра весь день уйдёт на сборы, а послезавтра на рассвете нам предстоит долгая дорога. Я заеду за вами в шесть утра.

Аглая, слишком уставшая, чтобы спорить, лишь кивнула и, пожелав ему доброй ночи, скрылась за дверью гостиницы. Вершинин же, вместо того чтобы сразу отправиться домой, задержался на морозной улице, разглядывая тёмные окна дома напротив с тем особым, профессиональным вниманием, что вырабатывается годами службы у человека, привыкшего не доверять пустым переулкам в сумерках.

Он не ошибся.

У подъезда доходного дома напротив гостиницы, в тени от газового фонаря, стояла неподвижная фигура — высокий мужчина в тёмном пальто, чей силуэт слишком долго оставался на одном месте для случайного прохожего, поджидающего извозчика или знакомого. Вершинин, не подавая виду, что заметил слежку, медленно двинулся вдоль улицы, будто направляясь к стоянке саней, а сам краем глаза продолжал следить за неподвижной фигурой.

Фигура шевельнулась — не спеша, но целенаправленно, — и двинулась следом, держась на почтительном расстоянии, но явно не выпуская Вершинина из виду.

«Аккуратно работают», — отметил про себя Вершинин, сворачивая в переулок, ведущий, как он знал, к небольшой площади с несколькими выходами. Профессиональный филёр не позволил бы себе так долго стоять на одном месте под фонарём — либо Братство не рассчитывало на опытного следователя в качестве жертвы наблюдения, либо, что было вероятнее, хотело, чтобы слежку заметили, — как предупреждение.

Дойдя до площади, Вершинин резко остановился у газетного киоска, будто разглядывая вечерние выпуски, и, воспользовавшись отражением в стеклянной витрине, повернулся так, чтобы увидеть преследователя лицом к лицу.

Мужчина — среднего роста, в надвинутой на глаза шапке, с тёмной, аккуратно подстриженной бородой — остановился шагах в двадцати, ничуть не смутившись тем, что его заметили. Более того, он слегка склонил голову, точно приветствуя, и, развернувшись, неспешно зашагал прочь, растворяясь в вечерней толпе так же спокойно, как появился.

Вершинин не стал его преследовать — понимал, что в незнакомых переулках Коломенской части шансы догнать профессионального филёра невелики, а поднимать шум означало бы лишь подтвердить Братству, что их предупреждение достигло цели. Вместо этого он развернулся и быстрым шагом направился обратно к гостинице, где остановилась Аглая.

У входа он застал взволнованного швейцара, выбежавшего навстречу.

— Ваше высокоблагородие! Хорошо, что вы здесь — барышня, что вы к нам определили, просила передать: кто-то подсунил под дверь её номера записку, она сильно перепугалась.

Сердце Вершинина на мгновение сжалось от нехорошего предчувствия. Он взбежал по лестнице, перескакивая через ступени, и застал Аглаю у двери номера — бледную, но внешне спокойную, держащую в руке сложенный вдвое листок бумаги.

— Что там? — спросил он, едва переводя дух.

Она молча протянула ему записку. Почерк — незнакомый, размашистый, с нажимом, выдававшим либо гнев, либо намеренную угрозу, — гласил всего несколько строк:

«Оставьте Хранителя в покое. Дорога на Оять для непосвящённых заканчивается плохо — так же, как закончилась для отца хранителя древностей. У вас есть время до отхода поезда, чтобы одуматься. После — поздно будет для всех троих».

— Троих, — тихо повторила Аглая. — Значит, они знают и про Прохорова.

Вершинин перечитал записку дважды, стараясь унять невольную вспышку гнева при мысли о том, что кто-то посмел угрожать не только ему, но и молодой женщине, чья единственная вина состояла в желании узнать правду о смерти научного коллеги.

— Или, — сказал он медленно, — они просто хотят, чтобы мы думали, будто знают про Прохорова, дабы посеять как можно больше страха и неуверенности. Это старый приём,

Аглая Романовна, — угрожать не только прямым участникам дела, но и тем, кто рядом, чтобы заставить усомниться в безопасности каждого шага.

— Приём действует, — призналась она без ложной бравады. — Мне страшно, Пётр Аркадьевич. Не за себя одну — за всех нас.

Вершинин посмотрел на неё долгим взглядом, в котором смешались профессиональная сосредоточенность следователя и нечто более личное — уважение к её честности, не позволявшей ей притворяться храбрее, чем она была на самом деле.

— Страх — не порок, Аглая Романовна, — сказал он тихо. — Порок — позволить страху решать за вас. Хотите ли вы отказаться от поездки? Я пойму, если хотите, — никто не осудит вас за отказ ехать дальше в дело, где под угрозой оказалась ваша собственная жизнь.

Аглая помолчала, глядя на записку в его руках, затем подняла на него глаза, и во взгляде её читалась та же решимость, что Вершинин заметил ещё в кабинете Северцева, в первую ночь их знакомства.

— Я отказалась опоздать на дневной поезд из Вологды ради того, чтобы попытаться спасти Модеста Аполлоновича, — сказала она твёрдо. — И я не откажусь теперь от попытки найти его убийц лишь потому, что кто-то подсунил под мою дверь записку, желая меня напугать. Мы едем на Оять, Пётр Аркадьевич, как и планировали. Только теперь, полагаю, нам следует удвоить осторожность.

— Согласен, — кивнул Вершинин, пряча записку в карман как ещё одну улику. — Я оставлю у вашей двери надёжного человека на ночь, а завтра пересмотрим план поездки так, чтобы сбить со следа возможных наблюдателей. Вместо прямого поезда с Николаевского вокзала мы, пожалуй, отправимся кружным путём.

— Каким же?

— Это, — сказал Вершинин с лёгкой, невесёлой усмешкой, — я обдумаю к утру. А сейчас, Аглая Романовна, запирайте дверь на все засовы и постарайтесь всё же поспать — завтрашний день потребует от нас обоих ясной головы.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава девятая. Круглым путём

К шести утра, как и было условлено, Вершинин уже стоял у подъезда гостиницы, но вместо привычных саней с гербом Канцелярии его дожидался простой извозчий экипаж, взятый напрокат под чужим именем.

— Прохоров, вы уверены, что за нами никто не следит? — спросил Вершинин, помогая Аглае устроиться в экипаже.

— Я обошёл квартал трижды, ваше высокоблагородие, — отрапортовал околоточный, сам одетый по-простому, в потёртый армяк вместо форменной шинели. — Никого подозрительного не приметил. Да и записка эта — тьфу, простите — она ведь могла означать, что за нами и не станут особо следить: зачем, если и так напугали?

— Могла, — согласился Вершинин, забираясь в экипаж следом за Аглаей. — А могла означать и обратное: что нас отпустят с виду спокойно, дабы проследить, куда именно мы направимся, и уже там, вдали от столичной полиции, разобраться с нами без свидетелей. Едем не на Николаевский вокзал, а на Финляндский — оттуда доберёмся до Шлиссельбурга паромом, а дальше наймём подводки до станции Оять-погост в обход прямой железнодорожной ветки.

— Это займёт лишний день, — заметила Аглая.

— Займёт, — не стал спорить Вершинин, — зато с большей вероятностью убережёт нас от засады на прямом пути, который Братство, если оно действительно следит за нами, будет ожидать в первую очередь.

Экипаж тронулся, увозя их прочь от гостиницы по ещё тёмным, пустынным улицам зимнего Петербурга. Аглая, кутаясь в шаль, долго молчала, глядя в замёрзшее окошко, а затем произнесла тихо, будто продолжая давно начатый в мыслях разговор:

— Пётр Аркадьевич, вы никогда не рассказывали, отчего избрали службу следователя. Обычно люди вашего сословия предпочитают военную карьеру или гражданскую службу по проще.

Вершинин на мгновение задумался, прежде чем ответить — не потому, что вопрос застал его врасплох, а потому, что редко имел случай говорить об этом вслух.

— Мой отец служил становым приставом в Псковской губернии, — сказал он наконец. — Человек честный, но недалёкий — искренне полагал, что справедливость достигается строгим соблюдением буквы закона, вне зависимости от того, к чему это приводит на деле. Однажды на его участке крестьянин по имени Фрол зарезал соседа в драке за межу — дело нехитрое, свидетелей достаточно, приговор очевиден. Отец мой довёл дело до суда со всей возможной строгостью, Фрола сослали в Сибирь, а через полгода выяснилось, что настоящий убийца — вовсе не Фрол, а тот самый сосед, которого все считали жертвой, только погиб он не от руки Фрола, а от несчастного случая на охоте, произошедшего уже после суда, когда вскрылась правда о старой вражде и подложных показаниях.

— И что стало с Фролом?

— Ничего хорошего, — мрачно ответил Вершинин. — Умер в ссылке через три года, так и не узнав, что его оправдали посмертно. Отец мой после этого случая замкнулся, стал пить, а я, глядя на него, дал себе слово: если однажды окажусь на его месте, стану искать не букву закона, а правду, какой бы неудобной она ни оказалась. Оттого и поступил в Особую канцелярию — там, по крайней мере, дела расследуют до конца, а не спешат к удобному, но ложному приговору.

Аглая слушала внимательно, и в её взгляде читалось нечто большее, чем простое любопытство собеседницы.

— А вы, Аглая Романовна? — спросил Вершинин в свою очередь. — Отчего этнография, а не более привычное занятие для барышни вашего круга — замужество, дом, дети?

Аглая усмехнулась — невесело, но и без горечи, скорее с той иронией, что появляется у человека, давно смирившегося с непониманием окружающих.

— Мой отец был сельским священником в Новгородской губернии, — начала она. — Он всю жизнь боролся с тем, что называл «пережитками язычества» среди прихожан — старухи наши тайком заговаривали хвори у знахарок, вешали обереги над дверями, боялись ходить к болоту в определённые дни. Отец видел в этом лишь суеверное невежество, требующее искоренения проповедью. Я же, слушая рассказы этих самых старух ребёнком, видела нечто иное — цельную, стройную картину мира, ничуть не менее осмысленную, чем церковные догматы, просто более древнюю и оттого непонятную образованному человеку. Когда я выросла и поступила на Высшие женские курсы, я решила: если никто не желает записывать эти предания прежде, чем последние их хранительницы уйдут из жизни, придётся заняться этим мне самой.

— Ваш отец одобрил такой выбор?

— Отнюдь, — покачала головой Аглая. — Он счёл это предательством веры и семейной чести. Мы не разговариваем уже пять лет, Пётр Аркадьевич. Он полагает, что я «якшаюсь с бесовщиной», как он выразился в последнем письме. Возможно, — добавила она с тихой, горькой усмешкой, — после вчерашней ночи у Троицкого моста я начинаю думать, что отец мой не так уж далёк от истины, только видит эту истину сквозь неверную призму.

Экипаж тем временем добрался до Финляндского вокзала, где их уже поджидал небольшой пароходик, совершавший регулярные рейсы вверх по Неве до Шлиссельбурга — судёнышко скромное, но с исправной паровой машиной, чей ровный стук отдавался в палубе мерной, почти убаюкивающей дрожью.

Прохоров, проводив их до причала, остался в Петербурге — Вершинин распорядился, чтобы околотович продолжал наблюдение за домом Ланевского и разбирался с розыском Гаврюшина.

— Берегите себя, ваше высокоблагородие, — сказал он на прощание, помогая перенести немногочисленный багаж на борт. — И барышню тоже берегите. Коли что случится — телеграфируйте сразу, я хоть на попутной подводе, хоть пешком, а до Ояти доберусь.

— Благодарю, Прохоров, — искренне ответил Вершинин. — Держите меня в известности обо всём, что узнаете здесь, в столице. И присматривайте за Ланевским — мне сдаётся, профессор напуган не зря, а испуганные люди иногда совершают неосторожные поступки.

Пароход отчалил, и вскоре очертания Петербурга — шпили, купола, дымы фабричных труб — растворились в утренней дымке за кормой. Аглая, стоя у борта рядом с Вершининым, долго смотрела на удаляющийся город, а затем произнесла тихо, скорее для себя, чем обращаясь к спутнику:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.